

Дарья Сойфер

Исключение

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С 54

Сойфер, Дарья.

С 54 Исключение / Дарья Сойфер. – Москва : Издательство АСТ, 2017. – 320 с. – (Звезда Рунета. #ПроЧувства).

ISBN 978-5-17-103865-6.

Каждая золушка мечтает о принце. Но что делать, если твой принц – мировая знаменитость?

В Москву приезжает голливудский актер, и журналистке Лиде Стрельниковой поручают взять у него интервью. Андерс Норберг невероятно красив и притягателен, поэтому девушка с легкостью принимает недвусмысленное предложение, зная, что больше никогда не увидит кинозвезду. Но обстоятельства складываются иначе...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-103865-6.

© Сойфер Дарья, текст
© ООО «Издательство АСТ»

ГЛАВА 1

Ничто не могло испортить настроение в такой день. В такой настоящий солнечный весенний день, когда на асфальте уже нет и следа от кучек закопченного снега. Улицы Москвы походили на комнату во время ремонта: уже содраны старые обои, но беспорядок ликвидирован, а ровные и гладкие серые стены выглядят многообещающе.

Лида Стрельникова шагала на работу в твердой уверенности, что случится что-то хорошее. Почки еще не распустились, но на душе была такая легкость, которая бывает только в апреле. Лида несла на работу печенье собственного приготовления и предвкушала посиделки с девочками.

Редакция журнала «Богема», в котором работала Лида, недавно переехала в модный офис в Москва-Сити. Смысл этого перемещения могли оправдать только завышенные амбиции главного редактора. Зато войти в высотку можно было прямо из метро. Лида была довольна: ее прекрасное нежное печенье с цукатами пережило поездку в утренней давке. Она торопливо прошла через зону бутиков в офисную башню. Там, как и всегда, царила истинная ярмарка тщеславия. Отовсюду шагали деловые костюмы, куда

ни глянь — сплошные Бриони. Среди всего этого великолепия Лида чувствовала себя голью перекатной, хотя и потратила на плащ половину зарплаты. Самое интересное, что большинство из дорого одетых клерков покупали костюмы в кредит, чтобы пустить пыль в глаза. Обычные парни из провинции, живущие на съемной квартире, готовы были платить бешеные деньги каждый месяц, оплачивать кредит на новенький BMW, часы и костюм представительского класса, питаясь дешевой лапшой.

Лиде это было чуждо, но так получилось, что после иныза она смогла по знакомству устроиться только в журнал «Богема», а для того, чтобы там работать, ей следовало соответствовать названию. Лиде приходилось посещать места, пропитанные пафосом от плинтуса до дверной ручки, общаться с людьми, готовыми лопнуть от завышенной самооценки. Все эти клубы, показы и презентации Лида тихо ненавидела, но больше нигде ей не могли предложить подобную зарплату. По долгу службы Лида обогатила гардероб несколькими дизайнерскими вещами на выход.

Лида зашла в комнату, которую делила с двумя коллегами, скинула плащ и поспешила в конференц-зал на планерку. К счастью, шеф опаздывала, и Лида незаметно просочилась в дальний конец стола.

— Привет, — шепнула она Кате Родионовой, ответственной за колонку красоты.

Та кивнула, но ответить не успела, потому что в зал стремительно зашла Элла Дмитриевна, главный редактор.

Стремительность была едва ли не главной чертой Эллы Дмитриевны Казаковой. Стремительность вкупе с роскошью, язвительностью и легкой надменностью.

— С понедельником, — сухо бросила Элла Дмитриевна и улыбнулась самой далекой от доброжелательности улыбкой. На стол звонко шлепнулась стопка папок. — Итак, что у нас по этому выпуску, — шеф пробежалась взглядом поверх очков по сотрудникам. — Все здесь? Прекрасно. Обзор театральных премьер есть, светская колонка есть... Так, по светской колонке у меня вопросы. Кузнецова?

— Да, — Олеся вяло подняла руку, предчувствуя публичную порку.

— По тексту интервью у меня вопросов нет. Но мне звонил менеджер Зимицкого. Знаешь, что мне сказали?

Олеся покачала головой.

— Что это было последнее интервью нашему изданию, если мы не сменим корреспондента. И знаешь, почему? Потому что ты *попросила автограф*. Молчи! — предупредительно процедила Казакова, увидев, что Олеся собирается что-то сказать. — Лучше молчи. Я не один раз объясняла всем сотрудникам, что мы — солидное издание. Мы не желтая газетенка. У нас должны работать профессионалы, которые могут держать себя в руках. Я понимаю, что Зимицкий — роскошный мужчина, и каждой в этом зале хочется повизжать от восторга при его виде. Автограф просят фанатки. Девочки на улице за ограждениями. Подрост-

ки. Но, друзья мои, Кузнецова не думала о том, сколько ей лет и где она работает. Она предложила Зимицкому расписаться где?.. Ну-ну, смелее, ваши версии, господа! Нет вариантов? Я скажу вам. *В зоне декольте.*

Кто-то фыркнул, с трудом сдерживая смех. Олеся Кузнецова опустила глаза.

— Смешно, да? Прекрасно, — протянула Элла Дмитриевна. — В ближайшие полгода Кузнецова будет писать обзоры книжных новинок. В связи с этим у нас вопрос по следующему выпуску: кто будет брать интервью для светской колонки. Работа ответственная, потому что в Москву с премьерным показом фильма приезжает Андерс Норберг.

В зале раздались несколько восторженных вздохов. Вздыхала в том числе и Катя Родионова.

— Кто это? — шепнула Кате Лида.

— У Стрельниковой есть дела поважнее? — Элла Дмитриевна впиалась взглядом в Лиду.

— Нет, шеф.

— Может, поделишься со всеми своими соображениями?

— Лида спрашивала, кто такой Норберг, — выдала Родионова прежде, чем Лида успела открыть рот.

— Кто такой? Прекрасно. Сразу видно работника светского издания, верхняя губа Казаковой дернулась вверх, словно кто-то потянул ее за невидимую ниточку. — А хотя... это то, что нужно. Стрельникова у нас из иняза, есть несколько хороших обзоров по Европе, выпускать не стыдно. А то, что ты не знаешь Норберга, — к лучшему. Он

твой. Передайте, — Казакова выудила файл с распечатками и звонко отправила его на стол.

Лида подождала, пока файл дойдет до нее, и взглянула на данные по интервью.

— Плюс с тобой идет Марков, — Элла Дмитриевна бросила взгляд на штатного фотографа, — но на пару снимков, не больше. И Лида, будь добра, подготовься тщательно и за несколько дней загляни утвердить список вопросов. Ферштейн?

Лида кивнула.

— Гут. Теперь что касается ресторанного обзора...

Лида смотрела в распечатку, с трудом переваривая происходящее. Ей надо взять интервью. И не у кого-нибудь, а у звезды. Народ среагировал бурно, значит, дело нешуточное. И теперь Олеся ее возненавидит, ведь звезды — ее территория...

Лида с трудом дождалась конца совещания, чтобы добежать до компьютера и узнать, чем ей предстояло заняться. Кем, если точнее. Пальцы запрыгали по черным клавишам, финальный клик — и на экране появились фотографии и ссылки.

На Лиду смотрело улыбающееся, чуть тронутое загаром лицо. Высокий лоб, светло-русые волосы и удивительные лучистые глаза. Если мужчине положено быть чуть красивее обезьяны, то этот экземпляр оставил позади не только приматов, но и многих лучших образцов рода человеческого. Лида вздохнула. Настоящий голливудский красавчик. За такого Олеся ее убьет в темном переулке. Лида достала широкий перекидной блокнот и стала делать выписки из данных всемирной сети.

Чем больше она читала, тем глубже проникалась личностью Андерса Норберга. Родом из Швеции, он вырос в большой и дружной семье. Три брата и сестра. Мама — врач, отец — актер. В детстве играл в театре и кино, но в восемнадцать лет все бросил и ушел на флот. После службы снова вернулся к актерскому мастерству, окончил школу искусств в Лондоне. Снимался в Швеции, уехал в Штаты. Получил роль в сериале про вампиров для старшей возрастной категории, благодаря чему прославился. Лида открывала новые и новые страницы с интервью и не могла поверить глазам. Благотворительная экспедиция на Южный полюс... Он идеален! И холост. Как может человек быть кинозвездой, отслужить на флоте и иметь такое образование? Любимый писатель? Набоков! Серьезно?..

— Ну что, выяснила, кто такой Андерс Норберг? — над перегородкой, отделяющей рабочее место Лиды, возникла голова Родионовой.

— О, да, — кивнула Лида с чувством.

— Кто бы знал, что тебе так повезет!

— Я уже сама себе завидую.

— Есть пойдешь?

— Уже обед? И правда... Ах, да, я же печеньки принесла... Сейчас!

Когда Лида зашла в небольшую комнату отдыха для сотрудников журнала, весь бомонд уже собрался за столом.

— Так-так, герой дня. Присаживайся, — Рита Вернер похлопала по свободному стулу.

Лида извлекла лоток с выпечкой из пакета и налила себе кружку кофе.

— С ума сойти, Норберг! — Олеся сокрушенно покачала головой. — И надо же было так облажаться с Зимицким.

— Да ладно, я уверена, шеф тебя скоро амнистирует.

— Казакова? — Олеся хмыкнула. — Ни в жизни. Прямо хоть новую работу ищи.

— Но у тебя такой опыт, — Лида попыталась как-то смягчить ситуацию. — Я вот даже не знаю, как подступиться к Норбергу.

— О, уж я бы подступилась, — выразительно сказала Олеся.

Девочки засмеялись.

— Мне еще надо посмотреть его фильмы.

— Ну, ты даешь! — Рита Вернер торопливо проглотила кусочек печенья и выставила вперед ладонь, призывая к тишине. — «Мертвая кровь» — это нечто. Так-то это чернушный сериал про вампиров. Кровь, секс, забористая ругань. Но! Во-первых, это не про вампиров, а про геев. Метафора, короче.

— В смысле? — переспросила Катя Родионова.

— В прямом. Я читала. Суть сериала в том, что вампиры раньше существовали скрыто, а теперь решили заявить о себе и борются за свои права. Один в один геи. Во-вторых, что не характерно для вампирского жанра, снято очень, ну просто очень-очень смачно. Не знаю, с чем сравнить...

— «Криминальное чтиво», — подсказала Олеся.

— Ну, наверное. Казалось бы, в каждой серии море крови и обнаженка на грани дозволенного.

Но при этом такой драйв, такое обаяние и столько иронии! Смотрится на одном дыхании.

— Это пока не появится Норберг, — Олеся через стол пригнулась к Лиде. — Просто *ничто!*

— Подождите, подождите, народ, не портите ей кайф от просмотра! — воскликнула Катя.

— Да обычный он мужик...

До этого момента никто словно не видел в комнате фотографа Васю Маркова, теперь же несколько пар глаз ошарашенно уставились на него.

— Ты обалдел, что ли? — первой подала голос Рита. — Он роскошен!

Вася пожал плечами.

— Почти два метра чистого обаяния!

— Два метра? — переспросила Лида.

— Ага. Он очень высокий. А какие мускулы... — Рита закатила глаза. — И чтобы все снимки с интервью были у меня на почте!

Два метра... Лида всю жизнь мучалась от комплексов, связанных с ростом. Ее дед входил в вагон метро, пригнувшись. Тренер по баскетболу. Сама она с детства играла в баскетбол, потому что ни на танцы, ни на гимнастику ее не брали. Все женственные виды спорта были созданы для крошечных миниатюрных девочек. Да что там виды спорта! Весь мир для них. Высокие каблуки, мажусенькие женские машинки, в которых Лида могла максимум достать коленями до подбородка. Что ни говори, рост 185 сантиметров для женщины — едва ли не приговор. Особенно если она выросла в суровых российских реалиях среди жестоких шуточек одноклассников. На всех фо-

тографиях из средней школы Лидочку Стрельникову было видно издалека. Вплоть до 10-го класса, пока мальчики хоть немного не вытянулись. Лида не могла себе позволить каблуки и готова была выйти замуж за первого встречного, на кого бы она смотрела хоть чуть-чуть снизу вверх. Даже теперь, когда комплексы детства были затолканы поглубже, Лида порой казалась самой себе состоящей из одних конечностей. Длинные руки, длинные пальцы, длинные ноги. И, — что уж скрывать, — длинные ступни 41-го размера. С возрастом тело ее оформилось, но ощущение собственной неуклюжести порой возвращалось, словно она опять слышала «Лида — дылда», и ей хотелось ссутулиться.

И вот ей предстояло брать интервью у красивого, талантливого, образованного мужчины ростом два метра, самого настоящего принца из ее девичьих снов. И это событие будет так мучительно сладко, так невыносимо прекрасно, потому что мелькнет в ее жизни парой часов и погаснет, чтобы навсегда остаться в воспоминаниях. А в реальности? В реальности ее ждет Виталик. Бойфренд. Высокий. Умный. Надежный. Как это говорится? Положительный. Тонкие холодные губы с влажными поцелуями. Тихое сопение сверху и ночная возня. Лида вздрогнула. Они не спали уже давно, месяца три прошло, как Виталик уехал в Питер на стажировку. И Лида все это время лелеяла мысль о расставании. Конечно, нельзя разбрасываться такими людьми. Биологические часы, дети, семья, все такое. Дед уперся в своем намерении

выдать Лиду замуж, пока не умер. Виталик — идеальный жених. Но Лида понимала, что это свинство — держать при себе человека без любви. Ладно она, она ведь могла и потерпеть, но Виталик... Он слишком хороший, чтобы быть нелюбимым.

Лида вздохнула, в очередной раз взглянула в лучистые глаза Андерса Норберга и выключила компьютер. Она должна поговорить с Виталиком. Сегодня же. По скайпу. И не потому, что Норберг. А потому что лучше всю жизнь помнить один яркий день и умереть старой кошатницей, чем вот так каждую ночь с его жесткими пальцами... Сегодня же.

ГЛАВА 2

— Дед, я дома! — крикнула Лида из коридора, стараясь пробиться сквозь неизменное «Эхо Москвы».

Александр Борисович Титов разменял девятый десяток, но силы политических убеждений не утратил. Поредели волосы, правое ухо почти перестало слышать, а пальцы и колени поразила артрит. И все же ярые оппозиционные взгляды и живой интерес к государственным делам не оставили Александра Борисовича.

Дитя сталинской эпохи и баскетболист советского ЦСКА, он стал увлекаться политикой уже после шестидесяти. Но зато вложил в это всю неистраченную энергию спортсмена на пенсии. Его покойная жена, Зоя Павловна, ушедшая на тот свет в первый год нового тысячелетия, любила по-

смеиваться над супругом. Уже, мол, и стар стал, а все туда же. Но дед упорно рисовал плакаты, надевал серую фетровую шляпу и с утра до вечера пропадал на митингах. Один раз ему случилось даже загреметь на 15 суток, но сей факт не только не убавил старческого энтузиазма, но и поддал боевого жару. С тех пор «Эхо Москвы» выключалось только на ночь. Иногда Лиде казалось, что дед уснул или не слышит, и она пыталась потихоньку выключить орущий приемник, но тут же раздавалось «Сделай обратно!».

Часто бывает, что человек, успешный в карьере, получает от судьбы серьезные удары в чем-то другом. Так вышло и с Александром Борисовичем. Звезда советского баскетбола, чьи кубки не помещались на домашней стене славы, из-за авткатастрофы потерял молодую дочь и зятя, получив на руки трехлетнюю внучку Лидочку. Вместе с женой, Зоей Павловной, он воспитывал девочку, пока на супругу не обрушился рак легких. Лиде тогда только стукнуло четырнадцать, но они вместе с дедом до последнего несли вахту у больничной койки. В марте 2001 года бабушкины боли стали настолько сильными, что Александр Борисович перестал пускать внучку к жене.

— Тебе не надо этого видеть, — сказал он тогда.

В середине апреля бабушки не стало.

Александр Борисович и Лида остались одни. Дед до последнего работал учителем физкультуры, а Лиду забрал из баскетбольной секции и отправил учить иностранные языки.

— Меня не будет, сможешь заработать на хлеб с маслом. А лучше беги из этой страны.

Лида понимала, что пока хлеб с маслом нужно дать деду. Если хоть так можно было отблагодарить его за все. Она сидела за учебниками, как проклятая, до онемения повторяла за кассетой английские фразы, но все ж таки поступила в институт иностранных языков и получила международный сертификат.

Сразу после института она тыкалась в конторы переводчиков, но везде платили гроши, и тогда через однокурсника Лида устроилась корреспондентом в «Богему», где ее нередко отправляли в командировки, чтобы она могла писать в туристическую колонку. Денег хватало. Ей даже удалось накопить на подержанный «Фольксваген», на котором она каждую весну вывозила деда на дачу.

— Дедуль, смотри, что я купила, — Лида взглянула в дедову комнату. — Брауншвейгскую, твою любимую!

Александр Борисович кивнул и поднял вверх указательный палец.

— Подожди, там интервью с минфином.

— Чаю?

Дед снова кивнул, и Лида ретировалась на кухню, чтобы сделать пару бутербродов с ароматной сырокопченой колбасой. Дедушка почему-то очень любил, когда колбасу нарезают на тонкие, просвечивающие кружочки.

— Я ем хлеб с колбасой, а не колбасу с хлебом, — говаривал он.

С колбасой полагалось делать только белый хлеб, а с сыром — черный. И белый хлеб надо было нарезать исключительно по диагонали.

У деда был персональный граненый стакан в железном подстаканнике с гравировкой от ЦСКА. К стакану прилагалась чайная ложка, а сахар рафинад надо было давать на отдельном блюде, — его дед ел вприкуску.

Когда Лида появилась в комнате с подносом, дед убавил радио и указал на диван.

— Рассказывай.

Лида устало села и откинулась на мягкую спинку.

— Все как обычно.

— Посылают куда?

— Да нет, я ж только два месяца назад вернулась из Чехии. Теперь очередь Матвеевой, она летит на Шри-Ланку.

— Ясно, — дед пожевал и кивнул. — На море не тебе.

— Да брось. Все равно не дают времени покупаться. А в Чехии было здорово, погуляла по Старому городу.

— В феврале. Красота, — дед усмехнулся. — В 63-м мы ездили в Чехословакию. В Брно. Игру уже не помню. Зато я привез тогда твоей матери туфельки. Красные, кожаные, с пряжками. Зоя сшила ей в красную клетку платье, и она ходила в школе на танцы. Самая модная была. И косички с бантами, Зоя ей туго плела, а все равно кудряшки по всей голове торчали. Да. Это ты в мать бело-брыся, только жалко, кудрей нет.